

сеніе, назваль воскресеніемъ неважную нравственную, совершенно бесплодную перемѣну,—что онъ дѣлалъ, создавая «Войну и миръ», какъ не воссоздавалъ, воскрешалъ своихъ предковъ. хотя и дѣлалъ это лишь мнимо, а не дѣйствительно?—Не понялъ Пасхи и Хомяковъ, отождествивъ ее въ извѣстномъ своемъ стихотвореніи съ братствомъ безъ отечества. Исчезнувъ на Западѣ, и особенно на дальнемъ, Пасха сохранилась въ Россіи и особенно въ Кремлѣ при гробахъ собирателей, или объединителей сыновъ для дѣла воскрешенія отцовъ,—въ Кремлѣ, т. е. въ крѣпости, оборонявшей прахъ отцовъ и долженствующей орудія обороны обратить въ орудія оживленія праха, когда небратство исчезнетъ. Коронація, т. е. поставленіе стоящаго въ отцовъ—мѣсто на общее дѣло воскрешенія отцовъ, не имѣла бы смысла, если-бы совершалась не въ Кремлѣ, а гдѣ-либо въ иномъ мѣстѣ; но еще большее значеніе получила бы коронація, если бы совершалась въ день Пасхи. Манифестъ 12-го августа 1898 года, манифестъ о разоруженіи, какъ его называютъ, имѣлъ бы полный смыслъ только въ день Пасхи, которая замѣняетъ день воздаянія, суда, наказанія, днемъ всепрощенія, амнистію. Извѣстное слово Іоанна Златоуста, произносимое обыкновенно въ концѣ пасхальной утрени, и есть амнистія. То же выражается и христосованіемъ, свидѣтельствующимъ, что всѣ оскорбленія и обиды забыты. —, «Сыны, чтущіе своихъ отцовъ, не хранили только прахъ ихъ, и не защищали лишь самоотверженно свою землю, какъ прахъ предковъ, но и въ самомъ небѣ видѣли отцовъ и въ храмахъ воспроизводили это небо, т. е. міръ, какъ онъ кажется, представляется нашимъ чувствамъ согласно съ Птоломеевскимъ міровоззрѣніемъ *) Но если храмъ Птоломеевскаго искусства, будучи подобіемъ мірозданія, какъ оно представляется нашимъ внѣшнимъ чувствамъ, если этотъ сравнительно малый до ничтожества храмъ, но одушевляемый внутреннимъ чувствомъ, по своему глубокому смыслу, по духу, оказывается несравненно выше вселенной, то въ коперниканскомъ искусствѣ внутреннее и внѣшнее выраженіе должны достигнуть полного соответствія; —сего ради и созданы челоуѣкъ, въ этомъ и заключается отвѣтъ на во-

*) Всѣ искусства могутъ быть объединены въ архитектурѣ, въ ея высшемъ произведеніи—храмѣ и въ службѣ, совершаемой въ храмѣ—въ храмѣ какъ изображеніи мірозданія, безконечно маломъ по сравненію съ мірозданіемъ, но безконечно высшемъ его, мірозданія, по смыслу вложенной въ него (храмѣ) мысли,—всѣ искусства могутъ быть объединены въ храмѣ, какъ проектъ міра такого, *какимъ онъ долженъ быть*. Храмъ есть изображеніе неба, свода небснаго съ изображенными на немъ поколѣніями умершихъ, какъ бы ожившими. На иконостасахъ, какъ въ московскомъ Успенскомъ Соборѣ, какъ и во всякомъ храмѣ, хотя и сокращенно, мы видимъ изображеніе всей исторіи, начиная отъ Адама,—праотцы допотопные, праотцы послѣ—потопные, цари, пророки, Предтеча Господень, Христосъ, апостолы, святые, и это до послѣднихъ дней. Въ Божественной же службѣ всѣ эти небожители объединяются въ одно цѣлое со служашими въ храмѣ и предстоящими (еще живыми); въ божественной службѣ всѣ,—умершіе и живые,—составляютъ одну церковь. Но храмъ есть изображеніе міра по Птоломеевскому міровоззрѣнію и пока господствовало Птоломеевское міровоззрѣніе, до тѣхъ поръ между знаніемъ и искусствомъ не было противорѣчія; когда же міровоззрѣніе Птоломеевское замѣнилось Коперниканскимъ, тогда явилось противорѣчіе между знаніемъ и искусствомъ, ибо искусство остается Птоломеевскимъ, а знаніе дѣлается Коперниканскимъ. Птоломеевское, міровоззрѣніе, какъ оно выражается въ искусствѣ, въ храмѣ съ его службами, есть мнимая патрофикация неба, а Коперниканское должно быть дѣйствительнымъ отцетвореніемъ, воскрешеніемъ, въ чемъ и найдетъ свое разрѣшеніе противорѣчіе между знаніемъ и искусствомъ (стр 413-го Фил. Общ. Дѣла).